

18+

АЛЕКСАНДР
СОКОЛОВ

ЧТО НЕ СНИЛОСЬ
МУДРЕЦАМ

Александр Соколов

**Что не снилось мудрецам.
Научно-фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Соколов А. В.

Что не снилось мудрецам. Научно-фантастическая повесть /
А. В. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938190-3

Наше время, наш мир. Поверхность Земли исследована на 100%, но человечество по-прежнему не знает, какие тайны она скрывает внутри себя. Водоворот затягивает лодку закоренелого холостяка Олега Краснова. Он оказывается под землёй. С собой у него лишь гитара в противоударном и водонепроницаемом кейсе. От неминуемой гибели его спасает девочка-великан. В её руках он становится игрушкой. Свидетелем каких событий станет Олег? Как подземный мир его изменит? И какая роль во всём этом уготована музыке?

ISBN 978-5-44-938190-3

© Соколов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1 «На соловки»	11
Глава 2 «Несчастный случай»	20
Глава 3 «Игрушка великана»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Что не снилось мудрецам

Научно-фантастическая повесть

Александр Владимирович Соколов

Дизайнер обложки Катя Каверелла

© Александр Владимирович Соколов, 2024

© Катя Каверелла, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4493-8190-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*«Истинная ценность жизни определяется тем,
как часто твоя душа замирала от восторга»
Соитиро Хонда*

Антарктида. Континент-загадка. Самый холодный, самый южный, самый высокий, наименее исследованный и не принадлежащий никому. Снежная пустыня, гигантский морозильник, продуваемый ураганными ветрами вдоль и поперёк.

В последнее время глобальное потепление ускорилося. Ледники стали крошиться, таять буквально на глазах, а площади океана, занятые скоплениями айсбергов, увеличились. Обнажились участки суши, которые ранее тысячелетиями были погребены подо льдом.

В море Уэдделла бушевал десятибалльный шторм. В свинцовом небе галопом неслись тучи, посылая всё вокруг ледяным дождём. Высоченные тёмные волны вздымались и опадали. На их гребнях волновались барашки пены. Неистовый ветер сбивал их, превращая в белую взвесь, нёс в сторону. Волны с плеском и брызгами перелетали через плоские айсберги, именуемые «столешницами» или врезались в высокие, изборождённые трещинами плавающие горы. Сами айсберги катались на них, словно на качелях, сближаясь или отдаляясь друг от друга, иногда сталкиваясь и крошась на несколько белых островков, размерами поменьше. При этом с них откалывались куски льда, которые, съехав по крутому склону, шлёпались в воду, тонули, всплывали...

В этой круговерти отчаянно боролось за жизнь научно-исследовательское судно. Пару дней назад у него внезапно вышли из строя радио и радар – приборы, без которых оно в одно мгновение ослепло и оглохло, а потому попало в опасную ловушку.

Судно шло против волн. Оно надрезало их форштевнем, принимая на палубу солёный душ, переваливалось через гребень, приподнимаясь и ударяясь днищем о воду, устремлялось вниз, к ложбине, после чего вновь поднималось вверх.

В ходовой рубке судоводитель, бледный, как мел мужик в бушлате, заросший бородой по самые брови, крутил архаичный штурвал, наблюдая за айсбергами, которые колыхались впереди, позади и сбоку корабля. Каждый из них был способен раздавить судно, словно ореховую скорлупу. Рядом с ним стоял маленького роста капитан с седой бородкой-испанкой, кустистыми белыми бровями, крупным носом и высоким лбом. И тоже бледный, как покойник.

– Помилуй Бог, сколько их! Только бы не столкнуться! Лево руля! Больше лево! Так держать! Стоп машина! Право на борт! Мальй вперёд! Стоп машина! Полный назад!

– Капитан, нас зажимают льды!

– Господи, помилуй! – капитан метнулся к устройству внутренней связи, схватился за микрофон – Полундра! Все на палубу с баграми!

В этот момент послышался глухой удар, сменившийся стонущим скрежетом по металлу. Корабль толкнуло вперёд, капитан от неожиданности расквасил себе нос о висевший рядом ящик.

– Ох, чёрт, откуда нам прилетело? – спросил он, пытаясь стереть кровь, но вместо этого размазывая её по лицу.

– Капитан, мы ложимся в дрейф. «Академик» больше не слушается руля. Не могу повернуть штурвал.

– В душу мать! Нам хана! Да где же все? – проорал капитан в микрофон, капая кровью. – Учёных тоже касается! Берите всё, что подлиннее – и мигом на палубу!

Распахнулась дверь, наружу один за другим стали выбираться люди в длинной, до пят, одежде с глубокими капюшонами. Людей тут же окатило водой, сбило с ног размашистой

качкой. Кое-как, рискуя быть смытыми, они добрались до левого борта, за которым бултыхался ледяной камень, слава богу – небольшой. Упёрлись в него кто баграми, кто черенками от швабр, поднатужились, оттолкнули. Поспешили к другому борту, за которым тоже маячила белая угроза.

– Капитан, они не смогут остановить многотонный айсберг, если такой попадётся. Кроме того, «Академика» постепенно разворачивает вдоль волны. Нас может опрокинуть.

– Нужно, чтобы Юра нырнул, посмотрел что с рулём.

– Ты что, Сан-Саныч! Парня на смерть ведь пошлешь.

– Он – единственный аквалангист из всей экспедиции. Он должен справиться. – капитан открыл аптечку, вывалил содержимое на стол. – Или мы все будем числиться пропавшими без вести.

– Но...

– Я знаю, Паш. – Сан-Саныч разорвал зубами упаковку, пропитал ватку перекисью водорода, засунул в ноздрю. – Но что мне делать? На кону жизнь всех.

Капитан хлопнул носом, убрал аптечку, шатаясь, подошёл к устройству внутренней связи, взял микрофон:

– Вишневному срочно готовиться к погружению. Осмотреть руль и доложить.

Через пару минут на прыгающую вверх-вниз палубу выбрались трое людей, отправились на корму, где, стянутый железными цепями, качался лёгкий одномоторный вертолёт. Один был облачён в гидрокостюм из неопрена, толщиной минимум миллиметров девять. По-военному быстро он натянул ласты, маску. Ему помогли водрузить на спину тяжёлый акваланг. Без лишней спешки ныряльщик спустился по кормовому трапу и исчез в пучине.

Потянулись томительные секунды ожидания. Судно, по-прежнему, сильно качало, в опасной близости находились айсберги, которые время от времени люди баграми отталкивали от корпуса. Все понимали, что водолаз в любую секунду может получить травму, ударившись о борт, киль или айсберг, а то и вовсе расстаться с жизнью. Капитан сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Из ходовой рубки он не видел, что творилось позади неё. Наконец, один из сопровождающих зашёл внутрь.

– Сан-Саныч, Юра докладывает, что руль цел. Его заклинило куском льда, который попал между ним и гребным винтом. Покорёжило, конечно, но, вроде ничего, управлять можно будет. Юра не смог его вытащить руками. Сейчас ему подадут фомку. Попробует разбить.

– Ну, слава Богу! Передай, чтобы был осторожнее там.

Пришлось снова ждать. Люди на палубе устали, замёрзли, но, сжав зубы, продолжали бороться за жизнь корабля и свои собственные. Вдруг штурвал ожил, завертелся. Судоводитель тут же схватился за него.

– Стой! Юрку забрать нужно.

В рубку ворвался взволнованный парень.

– Ну, что? Как он?

– Живой, только вот...

– Полный вперёд, лево на борт! Обходи, обходи этот айсберг... Только вот что?

– Кажись, ключицу сломал. Говорит, ударило килем так, что чуть ласты не склеил. Почти сознание потерял, загубник выплюнул. Сам не знает, как удалось всплыть. Когда зацепился рукой за лестницу, вторая висела плетью. Мы помогли подняться. Сейчас с ним врач.

– Не за лестницу, а за трап, – вставил свои пять копеек судоводитель.

– Паша, блин... Ладно, ты тут один справишься? Я пойду к нему... Ну, сам понимаешь.

– Понимаю. Вон, смотри, уже виден просвет в тучах. Шторм слабеет.

– Да... Надеюсь, скоро можно будет поднять в воздух вертолёт для разведки.

Спустя час волны улеглись, небо расчистилось, засверкало низко висящее над горизонтом, не заходящее круглые сутки солнце. С кормы «Академика Вернадского» взлетел вертолёт.

Поднявшись высоко вверх, он принялся искать выход из этого лабиринта, проносясь кругами над сине-белой мозаикой, состоящей из лент воды и огромного количества айсбергов.

Вся эта суматоха, царившая в последнее время на борту судна, совершенно не волновала одного мужчину, который неподвижно сидел за столом в своей каюте, смотря в иллюминатор. Человек этот был очень похож на бомжа-алкоголика: он не стригся и не брился несколько лет. Длинные тёмные волосы с серебряными нитями свисали ему до середины спины. Такая же длинная жёсткая борода «лопатой» и усы, полностью закрывшие губы не могли скрыть впалые от продолжительного голодания щёки и обострившиеся скулы. Одет он был в морской бушлат, из рукавов которого выглядывали худые руки. Кисти замотаны бинтами. Трудно определяемый из-за бороды возраст – от тридцати до пятидесяти. Каюту наполнял тяжёлый запах его давно немытого тела.

Человек, наконец, оторвал взгляд от огромного айсберга, дрейфовавшего неподалёку и искрившегося под лучами солнца. Он встал, кое-как ухватил сжатыми в кулаки руками большой грязный чехол, положил его на стол. Зубами открыл замки, открыл и... внезапно навзрыд заплакал.

В кейсе лежали остатки акустической гитары. Дека была в хлам разбита, на мокром и разбухшем от морской воды грифе соплями висели струны, всё ещё вдетые в нижний порожек. Человек положил руки на обломки, нежно провёл ими по грифу.

Немного отдышавшись, мужчина резко вытер слёзы, с трудом открыл карман, извлёк оттуда толстую школьную тетрадь, зубами открыл на середине, прижав запястьем. Вода смыла тексты песен с аккордами, коряво написанные когда-то давным-давно подростковой рукой. Насквозь сырая, посиневшая бумажная страница легко разорвалась от неловкого движения. Мужчина тяжело вздохнул, закрыл тетрадь и снова уставился в иллюминатор.

Вряд ли он смог определить, сколько времени прошло, прежде чем люк в каюту открылся. Вошла маленького роста женщина лет пятидесяти в белом халате, а следом за ней – Александр Александрович. Женщина подошла к спасённому, чтобы осмотреть кисти его рук. Капитан, он же руководитель научной экспедиции, молча уселся на койку, сцепив руки в замок на округлом животике. Женщина встала рядом.

– Что же вы так упорно молчите? Есть что скрывать? – спросил Сан-Саньч. – Впрочем, давайте попробуем ещё раз. Do you speak English? Нет? Parlez-vous français? Ммм, Sprechen Sie Deutsch? Может, иврит, хинди? арабский? Чёрт, да вы же явный европеоид! Не папуас, не азиат, не бушмен, не индеец! Si parla in italiano?

Спасённый никак не реагировал, глядя в иллюминатор, ни словом, ни вздохом, ни единым движением не выдавая того факта, что был он русским. Человеком, к которому изначально обращались на родном языке.

– Нина, посмотрите его руки. Не понимаю, почему он молчит. Товарищ, это – врач, за доктор! Она вам поможет, – отчаянно жестикулируя обратился к незнакомцу учёный. – Блин, глухонемой что ли?

Вместо ответа мужчина медленно протянул руки врачу. Женщина в белом халате подседа ближе. Она осторожно сняла повязки, осмотрела волдыри и отёки. Пострадавший сморщился, подавив стон.

– Ну, что же, состояние стабильное, прогноз, в целом, хороший. Обморожение поверхностное, о гангрене и ампутации речь не идёт.

Врач налила чуть тёплой воды из чайника, погрузила поражённые конечности в тазик, стараясь не прорвать волдыри. Дала таблетку аспирина, аккуратно забинтовала пальцы и ладони.

– Это всё, что я могу для него сделать.

– Спасибо, Нина. Вы можете идти.

Врач кивнула, открыла люк и едва не столкнулась с парнем, который в этот момент намеревался войти в каюту. Парень этот был молод, высок и худ, как палка. На его хищном носе блестели очки в тонкой оправе. В руках он держал ноутбук. Больше всего парень походил на аспиранта или младшего научного сотрудника, который ещё только собирался защищать свою научную работу.

– Ну, как дела, Александр Александрович? Сказал наш гость хоть что-нибудь?

– Нет, Вань. Молчит, как рыба об лёд. Сидит и пялится на айсберги. Ума не приложу, как он оказался на льдине без полярной экипировки, в лохмотьях обычной одежды и абсолютно бесполезным музыкальным инструментом, из которого разве что костёр развести можно. И то – поможет ненадолго. На туриста не похож, на учёного или путешественника – тоже. Ни документов, ни хрена ничего нет при нём. Простите меня за мой французский.

– Давайте, я ему ноут предложу. Может, напишет что-нибудь.

Но спасённый покачал головой, отмахнулся от ноутбука ссутулился и не произнёс ни звука.

– Вот что ты с ним будешь делать? – хлопнул себя по коленке Сан-Саньч. – Без документов его ни один порт не примет. Возить его на «Академике», покуда от старости не умрёт? Или проще выкинуть за борт? Ведь, как говорил один грузин, «нет человека – нет проблемы»!

Бородач ощутимо вздрогнул, что не могло укрыться от глаз двоих людей.

– Вань, ты это видел? – и капитан схватил за рукав худого.

– Походу, да, Александр Александрович. Подождите-ка минутку – и молодой подобрал тетрадь с синими страницами. – Букв, конечно, не разобрать, но если высушить, то, возможно, получится это сделать по следам, которые оставляет ручка на бумаге.

Тут мужчина не выдержал, быстро подошёл к аспиранту, вырвал у него тетрадь, порывисто засунул себе за пазуху, после чего отвернулся и уселся к иллюминатору.

У учёных округлились глаза.

– Ого, а парень-то с норовом. Слушай, давай-ка лучше оставим его в покое. До пролива Дрейка путь неблизкий. Там нас снова ждут шторма, дикие скачки по волнам, а кое-кого ещё не раз вывернет наизнанку. Доберёмся до Ушуайи, а там подумаем, что делать. Может, он сам к тому времени разговорится. Ладно, отдыхайте, гость! Как говорится, рэст энд слип!

Негромко переговариваясь, аспирант и руководитель экспедиции вышли из каюты, притворив за собой люк. Услышав за переборкой удаляющиеся шаги, мужчина ещё раз тяжело вздохнул. Да уж, его положению не позавидуешь. Но если бы спасители услышали его рассказ, то сочли бы сумасшедшим.

Да и правда, как учёные, не понаслышке знакомые с внутренним строением Земли, смогли бы поверить той ахинее, что этот человек пересёк всю планету под материками и океанами с севера на юг? Что волею случая он попал в удивительный мир, в существование которого поверить невозможно в принципе.

Конечно, есть всякого рода уфологи, любители околонуточной бредятины, искатели великих тайн, авантюристы и мечтатели всех мастей, наподобие «Космопоиска», которые, открыв рты, будут жадно впитывать каждое произнесённое слово. Канал Рен-ТВ состряпает очередную передачу-сенсацию о том, как обычный русский парень пропал без следа на Соловецких островах и спустя несколько лет внезапно материализовался в Антарктиде, где его снял с айсберга и благополучно спас «Академик Вернадский».

Но, что вероятнее всего, перед ним будут всего две дороги: одна – в психушку, а другая – напрямиком в какой-нибудь «специальный» застенок, существование которых рьяно отрицают правительства любого государства. Но которые, тем не менее, здравствуют и процветают на благо тех же государств. Они снарядят «типа научную» экспедицию, и тогда другой мир, скорей всего, будет уничтожен.

Нет, уж лучше молчать, а дальше действовать по обстоятельствам. И вообще, утро вечера мудренее. И с этой мыслью человек, не раздеваясь, лёг на старую койку, заскрипев пружинами, кое-как пристроил на груди израненные руки и провалился в тяжёлый сон, под утро которого, в сновидениях опять оказался ТАМ.

Глава 1 «На соловки»

Под окном уже минут десять истошно орал кошка. Надоел, сил нет – похлеще любого будильника. Старенькие, облупившиеся деревянные рамы пропускали звук мчащегося по дороге автотранспорта. К этому ухо давно привыкло, как привыкает к тиканью механических часов, но высокий кошачий визг раздражал.

Олег вытер пот со лба, перевернулся на мокрой простыне, потянулся к ненавистному четвертому айфону, провёл по дисплею пальцем. Он взял его в кредит на два года с чудовищной переплатой, надеясь с его помощью кадрить девушек. Понты всегда были дороже денег, а поскольку их больше ни на что не оставалось, девушки у него так и не появились. Спустя три года смартфон безбожно устарел, упал в цене и стал жутко тормозить при запуске какого-нибудь «тяжелого» приложения. Впрочем, может, дело было вовсе не в деньгах.

«Чёрт, полшестого утра! Как же ты задолбал! Ещё и эта жара в середине июня. Надо проветрить, а заодно посмотреть на этого красавца.»

Прохладный воздух вместе с шумом улицы ворвался в раскалившуюся за предыдущую неделю бетонную коробку. Олег с наслаждением подставил ему лицо и тело. Парень с любопытством опустил глаза.

Внизу, почти соприкоснувшись носами, прижав уши к затылкам, сгорбившись и распушив хвосты щётками, два кота, испепеляли друг друга взглядами. Один – чёрный, второй – полукровка, помесь сибиряка с сиамом. На берёзе сидела беременная кошка, которой ни один, ни другой кавалер даром не сдались.

В этот момент чёрный нахал, видимо осознав, что его крики ни к чему не приводит, с прыжка набросился на метиса, намереваясь обхватить передними лапами за шею и вцепиться в неё клыками. Но противник ловко отпрянул, сам прыгнул на чёрного, повалив того в траву. Чёрный кот заверещал, зашипел, извиваясь всем телом, царапаясь задними лапами. Метис сам упал в траву, поудобнее ухватив соперника зубами. Оба покатались, сцепившись друг с дружкой. Валяли друг дружку долго, выдирая клочки шерсти, расцарапывая морды и оглушительно вереща. Наконец, устали, задышали тяжело и застыли в неподвижности.

С грязным ругательством распахнулось соседнее окно, из которого высунулся ствол пневматической винтовки с оптическим прицелом. Через секунду едва слышно щёлкнул поршень, метис высоко подпрыгнул, жалобно мяукнул и дал стрекача, оставив озадаченного соперника в одиночестве. Стрелок переломил винтовку, вставил пулю, захлопнул, прицелился...

– Эй, ты что творишь, живодёр! – снизу закричал Олег – А если тебе вот так в задницу засадить?

– Заткни пасть, гринпис! Эти козлы мне спать не дают. Мне на работу рано!

Щёлкнул второй выстрел, пуля попала чёрному в ляжку, отчего тот скрутил в воздухе немислимое сальто и на трёх лапах поскакал прочь.

– Ах ты, урод!

– Да иди ты знаешь куда!

Из-за крыши соседней пятиэтажки высунулся край солнца. Олег прищурился, в задумчивости провёл ладонью по заросшей трёхдневной щетиной щеке. Да, отпуск только начался, а он уже полностью забил на свой внешний вид. К тому же, была очень уважительная причина: вчера, наконец-то, приехала долгожданная посылка. Олег её дожидался полгода, и когда пришло извещение, от радости подпрыгнул почти до потолка. Махал руками, пританцовывал, целовал казённую бумажку. Быстро сгонял на главпочтамт, там провёл томительный час в компании прелестных бабусь, которые по-старинке платили за коммунальные услуги именно

таким устаревшим способом. Олег смотрел на них свысока, предпочитая расплачиваться через интернет-банк не выходя из дома.

Взмыленный, он рысью прибежал домой, где, держа в одной руке смартфон, а в другой – канцелярский нож, торопливо разрезал синий скотч, открыл коробку и потерял дар речи. Съёмка ролика одним дублем была испорчена. Да и наплевать, в конце-концов можно потом всё заклеить и сыграть спектакль на публику.

В посылке лежала «революция в мире компьютерных игр и развлечений» – шлем виртуальной реальности. Посылка шла из самих Штатов, всё это время он был как на иголках. Дойдёт или нет? Целая или сотрудники Почты России обойдутся с ней, как с футбольным мячом? Но желание обладать этим устройством одним из первых в России перевесило осторожность. Он отвалил за шлем кучу денег, которые копил последние два года, значительно модернизировал свой компьютер, чтобы тот «тянул» это требующее высокой производительности «железо».

Помимо самого шлема, в посылке лежали линзы, камера, перчатка, контроллеры и бонус от производителя – комплект для авиасимуляторов, то есть ручка управления, две педали, а также диск с демонстрационными играми.

Олег, старый игроман, которого, казалось, ни одна игра больше не сможет впечатлить, был потрясён. Все его ожидания чуда оправдались на двести процентов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он весь вечер и половину ночи провёл в шлеме, пытаясь впервые в жизни взлететь на виртуальном вертолёте, щёлкая виртуальными тумблерами-подсказками и сжав потной ладонью ручку управления. Рядом выдыхалось пиво в открытой «полторашке», сохли чипсы, сухарики.

Ни девушки, ни семьи, ни нормальной работы. Олег бросил взгляд на фоторамку, с которой улыбались его родители. Он не смог, не сумел вытравить из памяти телевизионный репортаж об автокатастрофе, случившейся с туристическим автобусом в Турции пять лет тому назад. Такое, к сожалению, случается – «человеческий фактор» ещё никто не отменял. Пробив ограждение на узком серпантине, автобус рухнул в ущелье, отправив на тот свет группу из пятидесяти российских туристов, среди которых были его родители. А ведь это была их первая поездка за рубеж на отдых... Потом была мучительная процедура опознания в Москве, за ней – похороны. Что-то сломалось в нём тогда и не склеилось до сих пор.

Друзья поддерживали его, как могли. Да, друзья – таких ещё поискать нужно! Весельчак-кривляка Тимур, вечно стоивший рожи, и серьёзный, рассудительный флегматик Витёк. Давно уже взрослые, женатые, с детишками. Выросли из одной песочницы, вместе возмужали, гуляли по ночам, орали песни под гитару, ходили на дискотеки, ну и, как водится, «потребляли». Олег никогда не забудет противный вкус «Анапы» и портвейна «777». А сколько они пива выпили на троих! Эх, то время навсегда ушло. Друзья женились, зажили семейной жизнью. А он – нет. Устоявшийся уклад жизни полетел кувырком.

Олег поплёлся в туалет, по пути задержался около трюмо. Из зеркала на него смотрел парень с одутловатой физиономией, наметившимся двойным подбородком и большущими мешками под серо-зелёными глазами. Ничего особенного – обычная «морда лица». Сломанный когда-то в драке нос с кривой перегородкой, самые обыкновенные губы – не слишком толстые и не слишком тонкие. Во весь лоб три длинные морщины, густые брови, взгляд немного исподлобья. Коротко стриженные машинкой волосы. Олег предпочитал стричь себя сам – это же целых триста рублей экономии на услугах жадных парикмахеров. И фиолетово, что после такой «стрижки» голова становилась похожей на шар.

Он задрал футболку, схватил себя за пузцо, сжал и приподнял жир, ухмыльнулся половиной рта. Явно не Аполлон, но что делать? Олег никогда не готовил, предпочитая выезжать на полуфабрикатах, кафе, забегаловках, покупая пирожки у толстых тётенок рядом с супермаркетами. Количество поступивших в организм калорий всегда было больше тех, которые этот самый организм тратил. Отсюда и результат.

Квартира – стандартная «двушка». Маленькую комнату Олег использовал, как склад: ставил туда велик, хранил коробки, оставшуюся от родителей одежду, старую мебель. Выбрасывать весь этот хлам рука не поднималась.

Жильё давно требовало ремонта, на который у парня денег не было. Потолки пожелтели, обои истрепались, кое-где отстали от стен. Под ногами противно скрипели доски. Старая сантехника, не менее старая советская мебель. Впрочем, особым желанием что-то менять в своей жизни он не горел. Проще купить пиваса и часов до трёх рубиться в «танки». А утром плестись на работку.

Иногда, когда становилось тоскливо, он расчехлял свою гитару, настраивал, открывал тетрадку с текстами и пел песни о любви, дружбе, службе в армии. Сам себе, потому что больше петь их зачастую было некому.

Олег попробовал было поспать ещё, но в голову полезли навязчивые мысли о всяком разном, и он бросил это занятие. Вышел на балкон, закурил, в задумчивости приглаживая волосы пятернёй. На дереве бойко чирикала птичка, этажом ниже клён упёрся лапами в соседнее окно.

На столе загорелся и завибрировал айфон. Олег оглянулся, выбросил окурок, взял смартфон, всмотрелся в очкастую физиономию, отобразившуюся на дисплее. Провёл по нему пальцем:

– Здорова... Нет, не сплю... А?... Да тут небольшое происшествие было... Конечно, помню... – парень бросил взгляд на пухлый рюкзак и жёсткий гитарный кейс. – Всё готово было еще позавчера... А?... Да просто я шлем виртуальной реальности ждал, поэтому и сделал пораньше. Это, реально, крутая штука. Тебе обязательно нужно попробовать... Да, хорошо, запомнил – к 10 часам на вокзал... Ага, пока.

В кои-то веки они решили уехать компанией на отдых. Долго думали, куда бы податься. Пляжный отдых в бюджетном Египте, Тунисе или Турции отпадал по соображениям безопасности. Денег же на Юго-Восточную Азию или страны Карибского бассейна у них не было. Спорили долго, как вдруг Виктор предложил съездить на Соловки. Идея всем понравилась. Полазили по интернету, почитали отзывы и решились. Ну, в самом деле, почему вся страна летом едет исключительно на юг, в Краснодарский край или теперь ещё в Крым? Ради разнообразия можно побывать на Русском Севере.

Виктор этот давно работал в городской администрации. И обращались там к нему исключительно по имени-отчеству. Это в компании друзей он по-прежнему оставался Витьком. Только тут он сбрасывал маску бюрократа-чиновника и становился таким, каким он был в действительности. Настоящим другом, на которого всегда можно было положиться. Должность приятеля Олег давно пытался запомнить, но каждый раз забывал. Заместитель кого-то там по какой-то политике. В конце-концов плюнул на это дело.

Именно Виктор занимался подготовкой к отдыху. Созванивался с гостиницей, хлопотал с билетами. И звонил утром Олегу именно Виктор, чтобы лишний раз убедиться, что забывчивый приятель упаковал вещи. Можно было не сомневаться, что Виктор также позвонил и Тимуру.

Олег привёл себя в порядок: принял душ, начисто выбрился, позавтракал. А поскольку времени до часа X оставалось ещё прилично, с головой ушёл в виртуальную реальность. В этот раз он с первой попытки смог поднять вертолёт в воздух, после чего долго кружился над ненастоящей, но такой реалистичной взлётно-посадочной площадкой, над красноватой пустыней и величественным Гранд-Каньоном, в глубине которого змеилась река Колорадо. Он водил головой в разные стороны, шлем безупречно отслеживал повороты, сменяя картинку перед глазами. Ощущения были незабываемыми, неопишуемыми, восторженными... Правда, с посадкой дело не заладилось. Игрок не рассчитал скорость, в результате чего вертолёт шлёпнулся на брюхо с большой высоты, повредив стойки. Во всё поле зрения вывалилась надпись «игра окончена».

Дрожащими руками Олег снял с себя шлём, вытер вспотевшее лицо. На столе уже минут десять надрылся будильник...

– Ну и где наша размазня? – смуглый худощавый татарин в рваных джинсах, футболке с символикой «World of Tanks» и кепке полез в карман за телефоном. – Ты ему точно звонил?

Его собеседник, интеллигентного вида паренёк невысокого роста с аккуратно причёсанными волосами, в хорошем походном костюме, утвердительно кивнул и поправил очки:

– Звонил, конечно. Я так подозреваю, наш приятель тестировал шлем VR. Представляешь, ему таки пришла посылочка. Если всё, что говорят об этой штуке, – правда, то неудивительно, что он забыл про время.

Оба стояли в окружении людей, на перроне, по обе стороны которого тянулись ветки железной дороги. За спинами находилось здание вокзала, двери которого непрерывно открывались и закрывались. Сновали люди с баулами, чемоданами и без. Дачный сезон был в самом разгаре.

– Да мне пофигу, что там ему пришло. Договорились же к десяти часам! Ну, щас я ему устрою. – Тимур приставил к уху китайский смартфон. – Краснов, ты где, старый хрыч? Что? Аа, в такси... Если ты через пять минут не явишься, я тебе глаз на задницу натяну... А?... Почём я знаю, как? Ну, дай на лапу водиле, чтоб втопил немного... Всё, отбой... Вот как так, Витёк? Первый раз за десять лет договорились мужской компанией отдохнуть, а этот... чтоб ему икалось всю дорогу, хочет всё похерить!

– Тим, не гони волну. Поезд отбывает через пятнадцать минут. Яндекс говорит, что пробок нет, так что Олежка прилетит самое большее через пять. Кстати, а ты не слишком легко одет?

– По такой погоде – в самый раз. – Тимур снял кепку, провёл ладонью по увлажнившимся чёрным волосам. – Я вообще поначалу хотел шлёпанцы натянуть, но решил в кроссовках. А вот ты будешь париться, как припечёт посильнее.

– Ничего ты не понимаешь в колбасных обрезках. Я, может, и попарюсь слегка. Но, во-первых, в купе есть кондиционер, а во вторых, мы хоть и едем на море, но только не на Чёрное, а на Белое. И купаться в нём могут разве что моржи. Имеются в виду как животные, так и люди.

– «Во-первых..во-вторых...» – передразнил Виктора Тимур, скривив губы и проведя указательным пальцем по переносице, имитируя поправление очков. – Всё своё возу с собой! Во, вишь какой рюкзачище! Шмотки там, если чё.

– Вижу, вижу. – Виктор усмехнулся. – Смотри, спину не надорви. Лучше бы вместо шмоток пару книжек взял.

– Фи, книжки... Ты же знаешь, я со школы их терпеть не могу. Лучше в кино сходить, или в игрушку какую-нибудь порубиться. О, а вот, кажись, и он!

Из здания почти бегом выбежал Олег, таща на себе рюкзак и гитарный кейс. Запыхался, покраснел, пот впитался в футболку некрасивыми пятнами. Подошёл, скинул груз, протянул руку:

– Здравьте! Прошу прощения за опоздание. Грёбаный таксист! Отказался подъехать поближе. Сказал, что из-за скопления автомобилей может не выехать обратно. Вдобавок у него не машина, а душегубка какая-то. Ехал, словно в духовке. Окна настежь, а толку ноль.

– О, с гитаркой! Мог бы не торопиться. Поезд отправляется через десять минут. – Тимур захихикал.

– Тима, дать бы тебе в глаз, чтобы стал фиолетовым! Какого лешего ты тогда заставил меня торопиться?

– А чтобы не расслаблял булки раньше времени.

– Да я тебя за это...

Олег выставил два пальца рогаткой, нацелил в глаза другу. Тот в долгу не остался, приставил к носу ладонь ребром.

– Детский сад, штаны на лямках, – усмехнулся Виктор. – Обоим по тридцать лет, а в головах не больше десяти.

– Господа, – торжественно объявил Тимур. – Наш экспресс должен появиться с минуты на минуту. Пока есть время, предлагаю кому-нибудь метнуться в лабаз и купить бутылочку. Ну, должны же мы это дело отметить!

– Вот ты и метнись, – хором ответили ему друзья.

– Вот заразы... Вы, случайно, не однойцевые близнецы? Ладно, «мужик сказал, мужик сделал» – Тимур элегантно развернулся на пятках и зашагал к вокзалу.

– Как ещё он меня обзывал? – дождавшись, пока Тимур не услышит, поинтересовался Олег.

– На этот раз ты легко отделался. Он применил всего три эпитета. Один из них ты слышал, два других – это «размазня» и «опоздун». – Виктор засмеялся, увидев как вытянулось лицо его собеседника.

– Ну, насчёт «опоздуна» – ладно, согласен. Но почему вдруг «размазня»?

– Да потому, что...

Виктор не договорил. Вдалеке, за поворотом дороги раздался протяжный гудок. Вскоре показался локомотив, который тащил за собой вереницу вагонов. Словно гигантская гусеница, состав изогнулся, потом выпрямился, сбавляя скорость. Подкатил к перрону, засвистел, заскрипел металлом, остановился. В носы пахнуло какой-то смазкой. Открылись двери, проводницы спустили лестницы. Народ стал выходить и заходить в пышущие жаром вагоны. Конечно, это был не экспресс. Экспрессы не останавливаются на каждой станции. Но Тимур было простительно не разбираться в типах поездов.

– Бегу! – раздался сзади голос татарина.

Тимур выскочил из здания вокзала, пулей примчался к друзьям, размахивая двумя бутылками. В одной был джин, в другой – тоник.

Друзья взвалили себе на плечи скарб, по очереди втиснулись в узкий проход вагона. Проводницы убрали лестницы, закрыли двери, и состав, свистнув на прощание вокзалу, плавно набирая ход, устремился на север. По пути он минует такие крупные города, как Иваново, Ярославль и Вологду, десятки станций, покуда не прибудет в городок Кемь. Оттуда друзья приедут в порт, где сядут на судно.

Друзья резались в покер. Только не карточный, а доминошный. Рядом стояли стаканы, бутылки, наполовину съеденная курица-гриль. Вагон слегка покачивало, в купе работал кондиционер. За окном мелькал типичный пейзаж средней полосы России, состоящий из заросших травой полей, сосновых и берёзовых лесов, деревенских домиков и разбитых грунтовых дорог. В небе, испачканном широкими и небрежными мазками перистых облаков, ярко сияло послеполюденное солнце.

– Какой там счёт? – спросил Тимур, мешая груды прямоугольных пластинок.

– Двадцать – у Олега, минус пять у тебя, плюс сорок у меня, – отозвался Виктор, записывая результаты последнего кона.

– Топи лидера, – пихнул локтем в бок Олега татарин, одновременно выдавая каждому игроку по пять костяшек. – Этому дала, этому дала, этому не дала. Он сам взял. Вуаля!

– Нагадить тому в руки, кто делил, – посмотрев на руку, помрачнел Олег.

– Но, но, но! Попрошу без этого! Раздача очень даже ничего. Витёк, ты сколько взяток берёшь?

– Давай одну. – Виктор отхлебнул из стакана. – Мне больше не надо.

– Пас! – отозвался Олег.

- Хммм... Вот как, значит! Вы толкаете меня на преступление! Фик с вами – четыре!
- Записал. Погнажи.
- Запустим-ка мы «шипуна» – сказал Олег, выкладывая самую маленькую костяшку «пусто-два»
- Моё! – ответил Виктор, перебивая её самым маленьким козырем «один-один».
- Не твоё, а моё! – козырь «один-один» был перекрыт тимуровской костяшкой «два-два». – А теперь «по козырю» – на стол положили «четыре-четыре»
- Нет у меня козырей. – сказал Олег. – Нате вот самую большую некозырную «шесть-пять».
- Надо брать! – «чевёровичный» был бит «пятёровичным» Виктора.
- Отличненько! Выходит, всё остальное – моё?
- «Квак бы не квак» – У Виктора в руке нашлась самая крутая костяшка, покер «пусто-один». Это означало, что следующую взятку он берет наверняка. А Тимур со своими четырьмя заявленными «пролетал».
- Вот это правильно, вот это хорошо! – потёр руки Олег. – Нарисуй-ка этому нахалу минус сорок! Чтобы неповадно было обзывать.
- Да ну вас в баню! – расстроился Тимур и выбросил доминошки. – Сговорились? Ну так и играйте вдвоём
- Сам раздавал, а теперь обиженного строит, – Виктор убрал домино в пенал.
- Олечка, дай-ка лучше гитарку. Пойду песенку спою проводнице.
- На трёх «блатных» аккордах?
- А мне больше и не надо!
- Вроде и выпил немного, а раздухарился-то как! Всё Ленке расскажем!
- Только попробуйте. Языки повырезаю и скажу, что так и было, – и душа компании устремился в коридор, попутно подстраивая инструмент.
- Тима не исправим, – покачав головой, сказал Олег, разливая джин по стаканам. Свой он разбавил газированным тоником доверху, а стакан Виктора не тронул. Тот не любил слабые коктейли. – Ну, что, за отдых?
- Давай! – ответил Виктор, протянув стакан, в котором плескалось граммов сто прозрачной жидкости.
- Они чокнулись, чиновник залпом выпил, оторвал курице лапу, занюхал, откусил личный кусок:
- Вот сколько я этих заморских напитков не перепробовал, все они на вкус, как самогон. Что виски, что текила, что ром. А этот вроде ничего, травкой какой-то отдаёт.
- А пьёшь один хрен, как водку. Это, кстати, не травка, а можжевельник. – Олег потягивал пузырящийся напиток.
- Ну, да. И пить его из гранёных стаканов – самое оно.
- «РЖД – мы меняемся для вас».
- Точно!
- Друзья улыбнулись и, не сговариваясь, посмотрели в окно. Помолчали немного, разглядывая проплывающие зелёные луга с травой по пояс и одиноко растущими кустами, плавно сменяющие их леса и перелески.
- В красивой, всё-таки, стране мы живём. – Виктор опёрся подбородком об руку. – Такие просторы нас окружают, такое величие природы ощущается.
- Олег улыбнулся половиной рта:
- А что толку? Видит око, да зуб неймёт. Столько богатств у России, только нам от этого не легче. Не жизнь, а существование... Да что говорить? Ты и так всё знаешь...
- Знаю, друг. Знаю...

Дверь в купе распахнулась, в купе, смущаясь, зашла девушка-проводница в форменной серой одежде. Сразу же за ней – довольный Тимур с гитарой в руке.

– Знакомьтесь, это – Настя. Настя, это – Витя и тот самый Олег.

– Привет, – поправив очки, поздоровался Виктор.

– Здравствуйте, – робко и тихо проговорила девушка, глядя на двоих взрослых мужиков светло-голубыми глазами.

– Настюш, да ты садись. Не бойся, никто тебя тут пальцем не тронет. Особенно вот этот, стриженный под машинку.

– Спасибо, – проводница села на свободное место рядом с Олегом.

Её распущенные волосы пахли шампунем. Олег сделал вид, что очень занят своим багажом. Обернувшись, он увидел, что Тимур грозит ему кулаком и строит зверские рожи.

– Представляете, с нами платцкартом едут дембеля. Настя пожаловалась, что время от времени с ними возникают проблемы. Ну я и предложил переждать у нас. Она, конечно, отказалась. Пришлось похвастаться, что Олежка классно поёт под гитару.

Теперь уже настала очередь Олега строить адские рожи Тимурю. Но татарин сделал вид, что ничего не заметил.

– Витя, налей немножко даме! Так сказать, за знакомство.

– Нет, нет, что вы! – Настя отодвинулась и замотала головой. – Мне нельзя, я на работе.

– Да чуть-чуть!

– Нет, нет. Даже не уговаривайте. – девушка поправила газовый лёгкий шарфик в красно-синюю полоску.

– Ну, ладно. Потчевать велено, а неволить – грех. Ну, вздрогнули, мужики!

Мужики дзынькнули стаканами. Виктор крякнул и поморщился: неразбавленный джин саднил горло. Тимур с Олегом отпили по глотку коктейля. Тимур благочинно сдержал отрыжку.

– А вы правда много песен знаете?

Обернувшийся Олег встретился глазами с Настей. Не выдержал, отвёл взгляд:

– Ну... так, парочку.

– Врёт он всё! У него там в кейсе толстенная тетрадь. Вся исписана, от корки до корки.

– Тим, там дворовые песни, да песни девяностых. Сейчас на дворе две тысячи шестнадцатый. – Виктор оторвал лоскуток грудки курицы. – Вряд ли молодой девушке они будут интересны.

– Нет, почему же. Это мне по душе. – Настя, наконец-таки, улыбнулась.

– Ну же, Краснов, – Тимур пнул друга под столом. – Не заставляй девушку просить дважды.

– Да я ж не против. – Олег взял гитару, тронул струны. – Ого! Тима, ты настраивать научился?

– Смартфоны и не такое могут. Есть одно классное приложение.

– Тогда понятно. Эмм, о чем петь будем?

– Давайте вашу любимую...

– Любимую, говоришь... – Олег задумался, почесал переносицу. – У меня их много. Впрочем, есть одна...

Зазвучала песня о войне и любви. Сколько вот таких песен было создано в народе? А сколько ещё предстоит создать? Вроде бы давно пора привыкнуть. Но ведь нет... Раз за разом цепляет за живое...

Плавнo сменяли друг друга аккорды, струны дрожали одна за другой. В такт мелодии вагон стучал колёсами. Олег обладал хорошим голосом, но, что важнее, – музыкальным слухом. И пусть он не был виртуозным гитаристом, он прекрасно знал, за какие ниточки нужно

тянуть, чтобы вызвать у слушателей те или иные эмоции. В таком исполнении песня увлекала, заставляла сопереживать.

Но, как и всё в мире, она не вечна. Отзвенел последний аккорд, гитара смолкла. Люди в купе очнулись. Виктор посмотрел на свою застывшую руку с очищенным от скорлупы яйцом. Тимур закрыл рот, сглотнул. Девушка-проводница опустила голову так, чтобы не было видно лица. Сам того не зная, Олег надавил на её болезненное место.

– Я пойду, пожалуй... – прошептала девушка.

– Стой! Подожди, что случилось? – Тимур выглядел озадаченным.

– Нет, ничего. Просто...

– Что «просто»?

– Мне не стоило сюда приходиться...

Девушка встала, распахнула дверь.

– Да вот же она! – раздался голос из коридора. – Я же говорил, что она из четвёртого вагона.

Послышался мужской гул. Настя оторопела, замерла в дверях.

– Эй, тёлочка! – мужская рука схватила девичью за запястье. – Составь компанию истосковавшимся по женскому вниманию защитникам Отечества.

– Убрал грабли, пока целы! – рявкнул Тимур, ещё не видя лица.

– Чё? Ты кто такой, дядя? – в проходе показалась голова здорового детины с прыщами на щеках. Одет он был в повседневную форму, разукрашенную самодельными аксельбантами.

– Тот, кто не даст девушку в обиду нажравшимся попугаям.

– За базар ответить придётся, дядя!

Вместо ответа Тимур хлётко врезал ему в челюсть, одновременно заслоняя Настю собой. Дитина распластался в дверях, мотая головой и силясь подняться. Вагон наполнился угрозами, впереди возникли ещё двое дембелей в нелепо расшитой белыми шнурами форме.

– Ну, всё, дядя, ты попал! – дыша перегаром, оскалился один из них.

– Идите спать, клоуны! – возник рядом Олег. – Нацепили на себя всякой херни и думают, что крутые.

О поручень разбилась бутылка, в Тимура попытались ткнуть «розочкой». Сидевший сзади Виктор отложил телефон, Настя сжала за спиной перцовый баллончик.

«Розочка» мелькнула в паре сантиметров от лица Тимура, когда Олег, развернувшись, ударил её обладателя локтем в лицо. Горлышко упало, разодетый дембель шагнул назад, сплюнул кровь:

– Ах ты, сука!

Кто-то схватил Олега за грудки, вытащил в коридор. Его припёрли к окну и принялись избивать. Кое-как он защищался, подставляя под сыпавшиеся со всех сторон удары плечи, локти, предплечья. Упал, его стали пинать ногами. Кто-то особо гадливый несколько раз пытался попасть ему между ног.

Тимуру тоже пришлось несладко. В купе на него накиннулись двое, повалили. Один держал, второй удил сверху. Татарин извивался. Подоспевший на выручку Виктор с размаху пробил «пенальти» в голову, Тимур спихнул с себя тело. Настя пшикнула в глаза другому.

Втроем они вылетели в коридор отбивать Олега от озверевших вчерашних пацанов. Из соседних купе выскочили взбудораженные пассажиры. В одно мгновение вагон превратился в осиный улей. Отовсюду слышались угрозы, проклятья, трёхэтажный забористый русский мат. Наконец, на ближайшей станции поезд остановился, в гости пожаловала транспортная полиция, всех разняли.

Слава Богу, наших друзей не ссадили и даже не привлекли к административной ответственности, хотя имели на это полное право. Всё-таки там тоже люди работают. А Виктор обладал необходимым опытом общения с правоохранительными органами. Причём, он умуд-

рился даже в такой ситуации сохранить в тайне своё место работы. Настя помогла с показаниями. Демобилизованным же повезло меньше. Они хамили сотрудникам, распускали руки, матерились, требовали удовлетворения, словно жили в эпоху мушкетёров. К тому же, в каждом из них плескалось никак не меньше бутылки водки. Поэтому под конвоем их вывели, посадили в ПАЗик и увезли в неизвестном направлении.

Поезд подкатил к одноэтажному зданию железнодорожной станции из белого кирпича, по обе стороны от главного входа которой росли пушистые высокие ели.

– Ну, всё, Настюш, пока! – попрощался с проводницей Тимур, когда та опускала ступеньку. – Обязательно спишемся в ВК. Обещаю фотки неземной красоты – храмы, озёра, леса и каналы. Витьк, я ничего не упустил?

– Почти ничего. – Виктор умолчал, что фотографировать, скорей всего, будет он сам.

– А ты чего молчишь, тормоз? Не стой столбом, попрощайся с девушкой!

Олег пробубнил непонятное «пока», на что Тимур цокнул языком и разочарованно покачал головой. Настя рассмеялась, помахала всем рукой, подняла ступеньку и скрылась в глубине вагона.

Позвонили в такси.

Через полчаса наши друзья уже стояли на берегу студёного Белого моря, вдыхали запах соли и гниющих водорослей. Недалеко, на отшибе, стояла деревянная церквушка без одного креста, подходы к которой были выложены досками. В фильме Павла Лунгина «Остров» она ещё была с двумя крестами, но, после того, как съёмки закончились, Никольская часовня стала стремительно ветшать.

Виктор с Олегом не удержались. Перекрестившись, зашли, поглазели по сторонам. Помолчали... Несмотря на то, что это здание, на самом деле, является переделанным баракком, декорацией к фильму, в котором киношники выпилили стены и надстроили купола, атмосферу оно создавало соответствующую. Сфотографировались на память и отправились на причал, где Тимур, к тому времени, должен был договориться с частным извозчиком.

Глава 2 «Несчастный случай»

– Вау, какая красотища! – выдохнул Тимур, когда наши друзья ступили на причал Большого Соловецкого острова.

И правда: белыми ночами от него исходило необыкновенное золотистое свечение. Блестело всё: купола Соловецкого мужского монастыря, стены древней каменной крепости с башнями, когда-то его защищавшей, трава, деревья, вода и даже деревянное ограждение набережной с сидящими на них чайками. Небо потеряло свой привычный насыщенно-голубой цвет, окрасившись в пунцовый. Птицы время от времени голосили, небольшие волны разбивались о причал одна за другой. Жары нет, прохлада, солёный воздух и упитанный рыжий кот, встречающий туристов в надежде на подачку.

– Привет, Васька! – погладил Олег трущегося об ноги и мяукающего кота.

– Смотри, не успели приехать, а местный житель из нас уже пытается извлечь выгоду, – Виктор полез в рюкзак за последней сосиской. – На, держи, бандит.

Котюра сцапал сосиску, спрыгнул под настил и там принялся её уплетать.

– Что-то устал я, – нарочито широко зевнул Тимур. Пойдёмте, что-ли, в номера.

И компания отправилась в посёлок для туристов, где её ожидала вполне комфортабельная гостиница с домашней обстановкой и вежливым персоналом. С виду – обыкновенный дом, только большой, сбоку приделано «ухо» спутниковой антенны, ухоженная территория. Имелся даже Wi-Fi. В общем, грех жаловаться.

Друзья наелись до отвала, потом взяли бутылочку, отправились в беседку. И там, белой ночью, под аккомпанемент гитары и комариный звон долго сидели, вспоминая ушедшую юность. Смеялись, грустили, ибо и в самом деле было что вспомнить. Молодость, студенчество у любого человека навсегда останутся в памяти как самое счастливое и беззаботное время, которое, если и повторяется, то только в воспоминаниях да в старых фотоальбомах. За одной бутылкой последовала другая, за ней – третья. Напоследок, уже порядком окосевшие, друзья нестройным хором спели песню, любимую для всех троих. Олег честно пытался попасть в аккорды, друзья – в мелодию. Получилось не очень, зато – душевно. А большего и не надо.

– Олег! – просипел татарин, лёжа на кровати.

– Олееег! – повторил он через минуту, не дождавшись результата.

– Краснов, мать твою за ногу! – почти крикнул Тимур и скривился. – Ох, моя башка.

– Тим, отвянь, а! – глухо, словно в бочку, попросил Олег.

– Будь другом, принеси рассольчику. Сил моих нет это терпеть.

– Сказал же – отвали. Без тебя тошно, – распластавшийся на соседней койке товарищ перевернулся и с головой накрылся одеялом.

– Ну и гад же ты, Краснов. – Тимур сел, свесил ноги, стараясь не делать резких движений.

– Если бы ты вчера не уговорил раздавить третий пузырь, мы бы не нализались в дрова.

Так нет же.

– Ты же знаешь, если мне в нос попало, то остановиться не могу. И потом, никто в тебя насильно не вливал.

– Вот разве что не вливал.

В этот момент дверь распахнулась, в номер въехал столик, который толкал перед собой Виктор. В отличие от помятых друзей, он выглядел абсолютно свежим, словно и не было вчерашней попойки. Это было ещё одно его выдающееся качество. Виктор никогда не позволял себе опускаться и сколько бы ни выпил, всегда оставался адекватным, говорил чётко, ровно вставал из-за стола, прямо, не шатаясь уходил. И одному Богу известно, как это ему удавалось.

– О, а вот и он!

– Ну, что, орлы, как поспали?

– Бывало и лучше, – хмурый Олег широко зевнул и поморщился.

– Витёк, ты, случайно, рассольчику не привёз? Или таблеточку? – простонал страдающий Тимур.

– Тим, вот если бы ты читал книжки, то знал, что лучше подобное лечить подобным. – Виктор снял полотенце, под которым обнаружился запотевший графинчик.

Олег понимающе улыбнулся. Он встал, подошёл к столику. Виктор налил ему стопку водки, убрал салфетку, под которой на блюде лежало нарезанное сало. Олег выпил, закусил, уступил место другу. Виктор налил ещё раз, скинул салфетку с другого блюда – холодца из говядины. После «лечения» друзья, наконец-то, почувствовали облегчение.

– Интересно, и кто такую мудрую мысль сказал? – спросил Тимур, жуя холодец и чувствуя, как по желудку растекается тепло, а голову перестаёт бить невидимый молот.

– Дьявол.

Тимур поперхнулся:

– Кто-кто?

– Ну, дьявол, сатана, вельзевул. У него много имён. Выбирай, какое тебе больше нравится.

– И что же это за книжка такая? Библия что-ли?

– Нет, балбес. Это Булгаков, «Мастер и Маргарита». Хоть бы фильм посмотрел.

– Да... Надо бы глянуть. Ну, что, какие планы?

– Планы простые. Одевайтесь – и на выход. Скоро соберётся экскурсионная группа. Сегодня ожидается весьма насыщенная программа. И нам повезло: гидом будет заместитель директора Соловецкого музея-заповедника, который, наверно, большую часть своей жизни посвятил изучению этого края.

– Если говорить проще: пошли щёлкать клювами, глазеть по сторонам и слушать занудные речи, – резюмировал напоследок Тимур.

На улице и впрямь скопилось много туристов. Среди них были держащиеся за руки молодая пара, семья с двумя детьми, похожая на нашу компания друзей, пенсионеры. Два человека говорили на иностранном. Олег напряг слух и с удивлением узнал искренне ненавидимый немецкий, которым его пичкали всю школу и институт. Да он английских слов знал больше, чем немецких. Безо всяких учителей.

– Уважаемые туристы, – объявил гид, когда все собрались. – Сегодня у нас в программе две экскурсии. Сначала мы посетим знаменитый на весь мир Соловецкий монастырь, познакомимся с его историей и архитектурой. После часового перерыва на обед нас ожидает вторая экскурсия по историческим местам, связанными с историей советских лагерей особого назначения, или сокращённо – ГУЛАГа. Оставшуюся часть времени вы можете использовать по своему желанию. Можете взять напрокат лодку и отправиться на прогулку по каналам, которые соединяют между собой озёра, или же отправиться на велосипедную прогулку.

– Слушайте, а можно мы с пацанами сразу на прогулку? Ой, ты чего, больно же! – Тимур принялся растирать бок, в который Виктор секундой назад воткнул локоть.

– Тима, ты бы хоть на людях поумерил свой темперамент. Где твоё воспитание? Ты же умеешь, я знаю, – зашипел татарину на ухо Виктор, после чего сказал уже громче: – Я прошу прощения за своего товарища. Он немного невыдержанный. Но воспитательная работа проведена, больше он прерывать вас не будет.

– Ну и отлично! Прошу за мной. – гид развернулся и зашагал к каменной крепости, за стеной которого располагался вышеупомянутый монастырь.

По пути он рассказывал об истории открытия Соловецких островов, о их климате, рельефе местности, природных ресурсах. И, нужно признать, делал это мастерски. Даже непоседа Тимур увлечённо слушал, разглядывая пейзаж и время от времени притрагиваясь к ноющему фингалу под глазом.

Экскурсия пролетела незаметно. Но мы оставим за бортом её суть и не станем отнимать хлеб у сотрудников музея. Скажем лишь, что многие едут на Соловки именно за такими впечатлениями. После обеда состоялась и вторая экскурсия, которая была не менее интересна чем первая. Разве что впечатления от неё остались другие. И уже ближе к вечеру, хотя это понятие на границе полярного круга размытое, наша компания, порядочно устав, направилась на пристань, чтобы взять напрокат лодку и немного поплавать по рукотворным каналам.

Ну, а чтобы плылось душевнее, Олег, пристроившись на корме, наигрывал на гитаре какой-то романс. Виктор потихоньку грёб, а Тимур по-привычке трещал без умолку и размахивал руками. Гитарный кейс лежал на дне, время от времени стуча своими боками о борт лодки.

– Что-то устал я, – зевнул Виктор. – Может, назад и на боковую?

– Ребят, давайте, ещё поплаваем. Вить, давай я погребу! – попросил Олег, убирая инструмент в кейс.

– Не, Олежка. Я – тоже пас. Комары зажрали. Смотри, сколько их вьётся! Ах ты, гнида! Вот тебе! – Тимур звонко хлопнул себя по руке, стряхнул трупик, почесался. – Плывём назад.

– Блин, так не хочется, – вздохнул Олег. Смотрите, как красиво вокруг! Эти каналы, озёра, леса завораживают. Когда ещё увидишь такое? И потом, может я песню сочиню. Единственную, но свою.

– Ну, если хочешь, поплавай один. В одиночестве сочиняется лучше. Мы с Тимкой вернёмся пешком. Тут недалеко должна быть туристическая тропинка.

– Ну, ладно, ребят, – вздохнул Олег. – Увидимся днём. А я и вправду ещё поплаваю.

Лодка причалила к берегу, который был живописно укреплен деревянными сваями и каменными валунами. Прямо за ними, практически в ряд, росли тоненькие берёзки. А уже за берёзами стояли сосны и ели. Тоже, в общем, не слишком высокие. Тимур и Виктор выбрались из лодки.

– Гитару, может, отдашь? Всякое может случится, зачем она тебе? – чиновник по привычке поправил очки.

– Да что может случиться? Тишина, прохлада, хорошо.

– Не знаю. Говорят, что на Соловках погода изменчива. Может пойти дождь, или начаться ветер. Лодку мотнёт, и гитара упадет в воду. Испортишь ведь. Телефон утопишь.

– Фигушки вам. Кейс водонепроницаемый и противоударный. Я за него отвалил в два раза больше, чем за гитару. Так что идите налегке. Кстати, а за идею с телефоном – спасибо. Положу на всякий случай тоже в кейс.

– Ну, давай тогда, морячок Попай. Семь футов под килем и попутного ветра. Аррр, Витёк, рванули назад! Жрут, не могу! – Тимур уже остервенело отмахивался от кровососущих бес-тий. – Олег, а ты чего такой спокойный сидишь? Ты несъедобный, что ли?

– Съедобный. Просто репеллентом намазался, – довольно улыбнулся приятель.

– Ах ты, гад! И мне ничего не сказал? – Тимур сломал длинную ветку и принялся выписывать ею в воздухе замысловатые кренделя.

Виктор не выдержал и прыснул со смеху.

– Тааак... – протянул татарин. – Ладно, я вам это припомню. Всё, Витёк, побежали, побежали! А ты плыви, друг, но помни: моя мстя будет ужасна.

С этими словами Тимур оттолкнул лодку от берега, друзья развернулись и пошли по тропе, которую с двух сторон зажимал лес. Вскоре они скрылись за поворотом, а Олег остался один. Он сел за вёсла, развернул судёнышко вдоль узкого канала, сделал широкий гребок. Лодка заскользила по водяному зеркалу.

Канал был узким, грести спиной, вставив вёсла в уключины было неудобно. Поэтому он встал, одно весло положил в лодку и не спеша, размеренно работал другим, стараясь держать судно на одинаковом удалении от берегов. Слева и справа почти вплоты к ним росли кустар-

ники, за которыми стояли деревья. Сам канал делал небольшие повороты. И лишь когда впереди показался длинный участок, Олег понял, что его окружил плотный туман.

Внезапно берега разошлись в стороны и практически мгновенно исчезли в густой пелене. Судно подхватило, понесло вперёд, постепенно разворачивая поперёк возникшего бурного течения. Краснов побледнел, вставил вёсла в уключины, принялся лихорадочно грести, стремясь выбраться на спокойную воду. Но стихия оказалась сильнее. Потом расширившимися глазами он увидел, что нос лодки приподнимается вверх, а корма, наоборот, опускается вниз. У Олега язык прилип к небу.

На середине одного из многочисленных соловецких озёр возник огромный водоворот, словно кто-то выдернул гигантскую пробку из его дна. Вода, пузырясь и вспениваясь, принялась кружиться около воронки, внутри которой уже слышался нарастающий гул.

Лодка вращалась вокруг дыры в воде всё быстрее и быстрее, оборот за оборотом приближаясь к краю пропасти. Олег, словно загипнотизированный, смотрел на дыру в воде и изо всех сил грёб. Организм работал на пределе возможностей: сердце скакало, как заведённое, частое и хриплое дыхание вырывалось из груди. Но руки постепенно налились тяжестью, спину заломило от нагрузки, остававшиеся пальцы были готовы вот-вот выпустить вёсла.

Стихия не отпускала, издевалась над ним. Лодку, будто щепку крутило, притягивало к краю. Наконец, она коснулась кормой границы, пробалансировала на ней пару секунд и провалилась вниз, во тьму и холод. Олег душераздирающе закричал, но в последний момент успел вдохнуть полной грудью. Его завращало в разных плоскостях так, что не понимал, в каком положении тело, где верх, где низ. Время тянулось, как жвачка, водоворот затягивал всё глубже, лёгкие начали гореть. Он закорчился в судорогах, выпустил воздух, ещё пару секунд оставался в сознании, наглотался воды. Последнее, что помнил – то, что тело било о камни, но кружение внезапно исчезло, руки и ноги почувствовали опору, вода отступила, но мозг не выдержал и отключился.

Потом он пришёл в себя от того, что зашёлся жутким кашлем, чередующимся с рвотными позывами. Лёгкие выжимали из себя воду, желудок вторил им в ответ. Открыл глаза, но ничего не увидел, ощутил под боком покатый камень, почувствовал боль от ушибов. Мокрая одежда облепила тело, которое тряс озноб. Запах сырости и водорослей вокруг, гнетущая тишина и холод, словно в глубоком погребе. После того, как приступы кашля и тошноты прошли, зашарил вокруг руками, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Но всё тщетно. От безнадёги зарыдал, как девочка, ибо понял – лучше бы утонул. Рыдания резонировали от стен насмешливым эхо, скакали куда-то вдаль.

Желание выжить в конечном итоге взяло верх над паникой. Олег усилием воли подавил истерику и принялся ползать на коленках, пытаясь на ощупь понять, в каком помещении оказался. Осознание сообщало, что это место было похоже на пещеру, или очень сильно разрушенный туннель. Пальцы постоянно натывались на неровные, а подчас острые углы. Сами своды тоже крайне извилистые, но, судя по эху, вели в одну сторону. Стены твёрдые, шершавые, колени время от времени наступают на острый щебень, вывалившийся, по всей видимости, из них. Но это определённо не бетон, а скорее – природный камень. В полный рост встать нельзя – потолок нависает в полуметре над головой.

Его организм мобилизовался, на всю катушку используя мышление и те органы чувств, которые работали. Из памяти всплыл урок географии. Олег вспомнил его настолько чётко, словно тот состоялся десять минут назад. Учитель рассказывал, что эта территория пережила мощное оледенение. Ледник принёс с собой огромное количество валунов. Сами же острова покоятся на прочном гранитном основании. Олег даже вспомнил теорию литосферных плит.

А что если, именно в этом месте валуны легли столь удачно, что образовали коридор? А что, если время от времени дно озера не выдерживает скопившейся воды и излишки сливаются вниз, словно из ванны? Вполне себе теория. Значит, отсюда можно выбраться. Нужно

только найти выход. Только вот как это сделать вслепую? С другой стороны, оставаться тут тоже нельзя. Над головой озеро, и «пробка», по всей видимости, заткнута.

Нужно ползти, ощупывать дорогу. Но для начала хотя бы отжать одежду. «Господи, как же холодно» – подумал он, неуклюже стягивая с себя висевшие мешком штотки. Дрожа мелкой дрожью, перекрутил, надел на себя. Тепло тела должно было испарить оставшуюся влагу. Спасибо телевизору, по которому время от времени крутят передачи про чокнутых экстремалов одиночек. Потом, чертыхаясь, он пополз на карачках вперёд, время от времени ощупывая рукой дорогу и налетая плечами о выступающие валуны.

Не прошло и десяти минут, как его пальцы ударились обо что-то твёрдое и скользкое. Олег принялся изучать препятствие. Стоило нажать посильнее, как оно сдвинулось с места. Сложилось ощущение, что это что-то знакомое. Один конец утолщён, второй потоньше. Ладонь упёрлась в ручку...

«Господи, да это же гитарный кейс! Нифига себе! Вот это удача. Надеюсь, он выдержал испытание водой, и смартфон уцелел».

Олег нашёл замки, щёлкнул ими. Нашарил айфон в силиконовом бампере, нажал кнопку включения. Зажмурился от слишком ярко загоревшегося дисплея. Отвернул от себя, дождался загрузки операционной системы. Включил вспышку камеры в качестве фонаря. Посветил по сторонам.

Фонарик выхватил из темноты хаотичное нагромождение камней, между которыми скопились песок и галька. Впереди зиял узкий лаз. Краснов осмотрел кейс: снаружи он был сильно помят, но свою задачу выполнил на ура. Гитара целёхонькая лежала между поролоновых вставок. Глянул на дисплей: шёл поиск сети, аккумулятор показывал семьдесят процентов заряда. Он знал, что если смартфон оставить включённым, то его хватит примерно на десять часов непрерывной работы. А если светить фонариком, то, наверное, ещё меньше.

По идее музыкальный инструмент следовало оставить: он слишком громоздкий. Но Олег не смог себя заставить бросить гитару, с которой его связывало столько воспоминаний. Поэтому он просунул кейс в отверстие, протиснулся следом сам и медленно стал ползти, толкая инструмент впереди себя. Время от времени чехол упирался в преграду, и тогда Краснову приходилось светить смартфоном в поисках пути.

Прошло около двух часов. К тому времени Олег стал сдавать. У него заныла спина, заболели руки и ноги. Одежда истрепалась и кое-где порвалась. К счастью, лаз не оказался тупиковым. Наоборот, к удивлению новоиспечённого спелеолога, он расширился настолько, что можно было встать на колени. Передвижение ускорилось, обнаружился небольшой уклон вниз. А когда Краснов направил луч света наверх, то обомлел: потолок выглядел монолитным и симметричным.

Это означало, что его теория о природном формировании коридора валунами не стоила выведенного яйца. Туннель был рукотворным, заваленным камнями до потолка. Олег не понимал, как к этому относиться, поэтому мысли в его голове замелькали со скоростью экспресса. Насколько он знал, на Соловках не существовало подземных сооружений. Всё, что было придумано и создано монахами на протяжении столетий, находилось на поверхности. Зачем им копать туннель?

Неужели это какой-нибудь секретный проект СССР? Но для чего он нужен, с какой целью создан? На случай ядерной войны? Простите, но это же глупо. На архипелаге нет ни военных баз, ни больших городов. Кто их будет бомбить? Или строительство было настолько засекречено, что о нём знали лишь несколько человек в партийном аппарате, да несчастные заключённые ГУЛАГа, от которых потом избавились?

Опять не сходится. Откуда тогда здесь валуны? Людям они не нужны. Что, туннель уже существовал, когда пришёл ледник и притащил их с собой? Да ну, бред полный. Люди тогда умели разве что огонь разводиться и охотиться на мамонтов. Это Олег хорошо помнил, спасибо

вузовским преподавателям Тогда что это? Откуда взялось? Ну не гномы же его построили, в конце-концов!

Впрочем, прочь догадки! Олег просто обязан дойти до конца туннеля и узнать ответы. Какие-нибудь улики обязательно найдутся! Может, колесо от строительной техники, или обрывок одежды. На копье неандертальца, понятно, можно не рассчитывать.

Но чёртов туннель и не думал заканчиваться. Наоборот, он расширился настолько, что позволил встать в полный рост. Количество валунов уменьшилось. Олег просунул руки в ляжки чехла, закинул его за спину. Зашагал широким шагом, светя по сторонам.

Ещё через час ходьбы туннель стал просто огромным. Краснов словно очутился в ветке метро. Разве что не было проводов и рельсов. Да и валуны исчезли. Прямой, как стрела, он полого уходил вниз, в мрак и бездну.

Олег кожей чувствовал, что температура воздуха в туннеле падала. Вскоре он со страхом увидел пар, вырывающийся изо рта и ноздрей. Заряд аккумулятора таял на глазах, всё сильнее хотелось пить, желудок настойчиво требовал пищи. Наконец, парень устал и сдался. Остановился, скинул с плеч кейс. Сел, прислонившись спиной к стене. Глянул на дисплей... Смартфон показывал всего десять процентов заряда.

Вот тут волосы на голове у нашего героя встали дыбом. Ему вдруг ясно нарисовалась перспектива погибнуть от голода, холода, жажды или от того, что, оказавшись в полной темноте, тронуться рассудком и наложить на себя руки.

Олег запаниковал, закричал, ломанулся вперёд бегом, хотел уже выбросить тяжёлый кейс. Но только вымотался вконец, запыхался, хоть и согрелся ненадолго. Но могильный холод вскоре напомнил о себе. Он снова сел, зарыдал и выключил аппарат.

Через час беспокойного сна Краснов проснулся от того, что его тело колотит озноб. Нужно было надеть на себя хоть что-нибудь, чтобы согреться. Но только вот что? Идея пронзила мозг внезапно – поролон! У него есть поролон, который можно вытащить из кейса и вставить под ветровку!

Олег включил фонарик, завоzilся с кейсом. Достал гитару, аккуратно вытащил материал, защищавший с двух сторон гитарную дека, приладил на себя, еле-еле застегнул молнию. Поролон, сохранявший гриф от ударов, он тоже вытащил и вставил в рукава. Вскоре он почувствовал тепло, постепенно накапливающееся под курткой. А кроме того, этот материал сыграл роль матраса, замечательно смягчая твёрдый камень. Наконец, парень уснул крепким сном, привалившись к стене спиной и свесив голову себе на грудь.

Проснулся от того, что тело ломало от боли. Мышцы ног и рук опухли и страшно болели от перенесённой накануне нагрузки. Шея затекла и тоже ныла. Очень хотелось есть, а ещё больше – пить. Но если без пищи человек способен прожить месяц, то без воды, при существующей температуре, не больше восьми-десяти суток. Олег так и не включил айфон, решив идти дальше на ощупь и пользоваться им только в крайних случаях.

Он вытянул руку, нащупал шершавую, холодную стену. Осторожно шагнул и зашипел, почувствовав вздувшуюся мозоль на пятке. Только этого не хватало! Краснов сделал шаг другой ногой и застонал: между большим и средним пальцем образовался другой волдырь, причинивший адскую боль. Он шагнул третий раз, четвёртый, сообразил, как именно нужно ставить стопы, чтобы не давить на пузыри. Заковылял неуклюжей походкой гусыни, время от времени морщась и шипя, как гадюка. Гитарный чехол оттягивал ему плечи.

Чем больше проходило времени, тем ошутимее Олег в нём терялся. Он не мог понять, растягивалось оно для него, или сужалось, прошёл час или всего четверть. По ощущениям, он прошагал часов шесть подряд. Но стоило включить смартфон и убедиться, что прошло целых семь. Больше всего он боялся, что бездействующее зрение начнёт атрофироваться. Он достаточно посмотрелся фильмов и псевдонаучных передач, в которых утверждается, что это возможно.

В противовес зрению другие органы чувств обостряться не спешили. По крайней мере, ему так казалось. Он также слышал собственные шаги, дыхание, ощущал холод, осязал стену. Всё ужасно монотонно и одинаково. Желудок жгло, под ложечкой сосало. Олег, было, обманул жажду, положив в рот камушек. Но помогло ненадолго. Потом появилось ощущение сухости в глазах, в туалет хотелось очень редко.

Несколько часов беспокойного сна, и Краснов снова ковылял в полнейшем мраке, полагаясь только на осязание. И так без конца: шаг сменялся шагом, минута – минутой, которые незаметно склеивались в часы. Сон и ходьба. Ходьба и сон. Жажда стала невыносимой. Пару раз его вырвало желудочным соком. Один раз обделался, едва успев снять штаны. Сердце сбилось с ритма. Оно стало биться редко и поверхностно.

Сознание помутилось. Какие-то цветные разводы поплыли перед глазами, ему чудился лёгкий шорох, переходящий в оглушающий грохот, запахи, которые трансформировались в видимую ленту. И только ладонь, которая по-прежнему чувствовала холодную стену, продолжала сообщать правильную информацию. И это она почувствовала влагу, которая текла по своду тоннеля. Олег прильнул к ней ртом, жадно сделал несколько глотков...

Он тут же сблевал – вода оказалась солёной. Олег зашёлся кашлем, упал на колени в большую лужу, скопившуюся в полу, повалился набок. Холод отрезвил разум. Парень вскочил, держа айфон высоко над головой. Включил фонарик, который осветил высоченный коридор, в котором, при желании, мог бы поместиться пассажирский самолёт – таким огромным он стал. Вода сочилась откуда-то сверху. Олег с ужасом догадался, что над ним, по всей видимости, было море. Смартфон разрядился и с пиликаньем отключился.

«Всё кончено, – подумал он. – Надежды нет, я не доберусь до конца тоннеля. Жажда меня доконает».

– Господи, – взмолился парень. – Ты же знаешь, как глупо это, как нелепо погибать в тридцать лет. Прости, что я тебя ругал. Прости, что не ходил в храм, за то, что не выучил ни одной молитвы, что никогда не постился. Я никогда не обращался к тебе за помощью, но теперь молю – помоги! Дай мужества выдержать это... Мне так страшно сейчас...»

Парень бросил кейс, навзрыд, без слёз, зарыдал, неумело крестясь и кланяясь. Немного успокоившись, он нащупал чехол, прижал к груди, привалился к стене, принялся выть и раскачиваться вперёд-назад, словно нянча гитару. Пока не потерял сознание от наступившего шока.

Его несли... Его явно несли. Только как-то странно: словно кота, или младенца – двумя руками, высоко под мышками. Тело качало, голова бессильно свисала, ноги болтались из стороны в сторону. Пересохшие глаза никак не хотели открываться. «Мама, это ты? Или глюки опять?»

Он промычал что-то нечленораздельное, поводит рукой вокруг себя. Качание прекратилось. Его бережно опустили на землю, кто-то встал рядом. Олег показал рукой на рот, вытянул растрескавшиеся губы трубочкой. Хотел прошептать «пить». Но вместо этого захрипел. К губам подставили похожую на таз посудину, в которой плескалась вода. Краснов схватил бадейку, погрузил в неё лицо и, как насос, принялся засасывать в себя влагу.

«Как вкусно! В жизни ничего вкуснее не пил!» – подумал он, без усталости работая челюстями. – «Я готов пить, пока живот не лопнет!»

Наконец, когда его желудок неимоверно растянулся, Олег оторвался от посуды, перевернулся лицом вверх, смог открыть глаза. Да, он возвращался к жизни. Его мышцы наливались силой, сознание прояснилось. И он видел свет! Какой-то сине-белый, призрачный, он сверкал высоко над ним. Краснов сел, всмотрелся в силуэт, щурясь и потирая веки...

На него, не отрываясь, широко открыв рот с молочными зубами, смотрела девочка-великан, ростом втрое выше Олега. Уже в который раз за последнее время несчастный почувство-

вал, как его кожа становится гусиной, а по спине пробегает озноб. Он отпрянул, споткнулся о чехол, вжался в стену и завопил.

Глава 3 «Игрушка великана»

– Ни хрена себе! Твою мать! Что ты за монстр?! – трижды до отказа наполнив лёгкие и трижды выпустив весь воздух, проорал Олег. – Ааа! Что ты такое? Я не верю! Не верю, это невозможно!

Девочка села на корточки, подтолкнула к его ногам кейс, что-то произнесла низким голосом. Голос не был мужским, но и детским писком тоже не являлся. Не увидев понимания, ребёнок легонько ткнул Краснова пальцем в грудь, чем невольно припечатал к стенке. Парень ойкнул и замолчал. Девочка убрала руку, повторила вопрос. Олег тут же кинулся наутёк.

К несчастью, организм, которого жажда чуть не убила, не справился. Ноги слушались плохо, а потому девочка его догнала, схватила, словно игрушку, стиснула так, что затрещали рёбра, и принялась вертеть в разные стороны. Более не церемонясь, она стала вытягивать ему руки и ноги, тыкать пальцем в живот, обхватывать голову, поворачивая её до хруста в позвонках. Пыталась открыть рот. Краснов от неожиданности опешил и молил только об одном – лишь бы она не начала отрывать ему конечности по одной, чтобы посмотреть, что будет с ним дальше.

К счастью, девочка ничего такого с ним не сделала. Просто подхватила чехол с гитарой и, шкодливо озираясь, потащила по тоннелю, в потолке которого ровным светом горела светло-голубая лента. Вырваться из её рук было невозможно. Они, наподобие экскаваторных ковшей, сжимали его тщедушное тельце, не оставляя никаких шансов вырваться. Ребёнок трещал без остановки, с надеждой заглядывая в глаза своей новой игрушки.

Олег вдруг вспомнил, как он в детстве нашёл в парке жука-носорога, зажал в кулаке, намереваясь похвастаться перед друзьями. Жучара скрёбся в ладошке, упрямо раздвигая пальцы, протискивался между ними, как маленький танк. Ситуация могла быть анекдотичной, если бы не её трагизм.

Время от времени она переворачивала его лицом вверх, и тогда Олег видел очаровательную мордашку типичного шести-семилетнего ребёнка, которые, толкаясь, пластиковыми совочками копаются в песочнице во дворе его дома. Тёмные волосы, непослушные кудряшки, курносый носик, губки бантиком, светлая кожа, правда, испачканная. Уменьшить бы его раза в три-четыре – и вообще никакой разницы никто бы и заметил. Впрочем, нет. Разница в одежде, всё же таки, была. Если говорить кратко, одежда была очень похожа на средневековую: две длинные туники до колен, бесформенные башмаки, голени замотаны тряпками. Поясок на животе, чепчик на голове. На шее болтались большие бусы.

Олег заметил – в туннеле потеплело. Похоже, на такой глубине Земля служит халявной батареей. И чем ниже он будет опускаться, тем теплее будет. Покуда не станет слишком жарко.

Ребёнок нёс Гулливера XXI века до тех пор, пока червоточина в земной коре не расширилась, превратившись в пещеру. Олег напряг зрение: ему показалось, что он увидел вырубленные лестницы и отверстия на разных высотах. Но девочка засунула его за пазуху, прижала ртом к груди, едва не задушив. Что было дальше, он не видел. Только слышал взволнованное дыхание, тело ощущало тряску от пробежек, сменявшихся замираниями. Потом ребенок вытащил живую куклу, запихнул в коробку, бросил туда же гитарный чехол и, несмотря на робкие протесты закрыл крышку. Коробку понесли, явно решив понадежнее спрятать.

Вдруг девочка лицом к лицу с кем-то столкнулась и от неожиданности её выронила. К счастью, высота оказалась небольшой, Олег отделался синяком на боку. Но скольких усилий ему стоило не выдать себя! Он слышал очень громкий и низкий бас. Кто-то явно выговаривал девочку за то, что та сбежала из дому и шлялась непонятно где. Девочка в ответ всхлипывала, и оправдывалась. Но её тут же прерывал новый поток непонятных слов. Наконец, взбучка закончилась, ребёнок подобрал коробку и утащил к себе в комнату.

Там девочка сняла крышку и выпустила свою игрушку наружу. Вконец ополоумевший от всего пережитого Олег долго приходил к себя, полубезумным взглядом осматривая пещеру девочки. И нужно сказать, снова ошалел, потому жилище было, по меньшей мере, удивительным. По форме – идеальный квадрат, вытесанный то ли в граните, то ли в базальте (Олегу было не до этого). Удивительно, что шкаф, стол и кровать так же были вытесаны из камня. Словно кто-то взял и просто-напросто убрал всё лишнее. На полу раскиданы примитивные игрушки из непонятого материала – грубо сделанная тележка и две куклы, одна мужская, а другая – женская. Никакого дерева или пластика. Размеры комнаты впечатляли не меньше его содержания: высоченные потолки, простор, массивная дверь.

Под потолком висел светильник. Вот тут Краснов мог голову дать на отсечение, что источником света служило электричество. Невероятно – пещера исполинских троглодитов и электричество! А живущее на поверхности человечество о них даже не подозревает! Ну, может, за исключением десятка чудиков, которые, предоставь только возможность, с пеной у рта рассказывают о гигантских скелетах, якобы найденных в разных концах планеты. Вот тебе и чудики...

Девочка повернула Олега лицом к себе, произнесла непонятную абракадабру. Парень пожал плечами:

– Ну, привет, что ли, спасительница! Как дела?

От звуков его речи ребёнок оторопел, отодвинулся назад, глядя на него во все глаза. Олег в ответ улыбнулся, с трудом посадил размером с манекен куклу. Пошевелил её рукой. Повторил медленно:

– Приии-вееет!

– Плиии-феет, – неумело повторила исполинская девочка.

Краснов рассмеялся, чем вызвал ответную несмелую улыбку.

– Ооо-лееег, – указал он на себя, рукой, после чего указал на ребёнка.

С первого раза девочка не поняла. Пришлось попробовать ещё раз.

– Ооо-лееег, – повторил жест Краснов, снова указав на дитя.

– Иии-леее-сиии – протянула девочка.

– Илеси, значит. Можно, я тебя буду называть Леся? Леее-ся. Как тебе?

– Леса, – просияла она.

– Приятно познакомиться, Леся! Ну и как, мать твою, это вообще возможно? Вот и не верь после этого в снежного человека... Принеси хоть поесть, что-ли. Кушать, Леся, ам-ам, – изобразил пережёвывание пищи Олег. – Понимаешь?

Девочка застыла напротив него, забывая порой дышать.

– Жрать хочу, чав-чав, живот, хорошо. Ну, въезжаешь в тему?

– Иии!

Илеси, наконец, сделала жест, сложив указательные пальцы домиком. Видимо, это означало, что она поняла. Но вместо того, чтобы сразу удалиться, подняла парня и занесла над коробкой.

– погоди, погоди! Что ты делаешь? Да блин, не собираюсь я убегать, дура ты картонная!

Не обращая внимания на крики, девочка засунула его в тюрьму и закрыла крышку. Сама ушла, но вскоре вернулась. Достала лилипута из коробки, вытащила из-под пазухи свёрток морской капусты, развернула. Внутри была рыба.

Олег ощутил запах и едва не захлебнулся слюной. Живот тут же отреагировал громким бурчанием. Он протянул руки к еде, но тут же «обломался». Пятилетняя девочка, дразня, принялась водить свёртком над головой, то поднося его к рукам, то резко отдёргивая.

Олег разозлился:

– Ах ты, маленькая дрянь! Хотя нет, какая же ты маленькая? Ты – большая дрянь! А ну, дай сейчас же! Дай, кому говорю! – приговаривал он, бегая за едой взад-вперёд и время от времени подпрыгивая.

Девочке, похоже, очень нравилась её находка. Она покраснелась, развеселилась, что окончательно взбесило Краснова. Он остановился и в сердцах принялся обзывать ребёнка всеми словами, которые только мог припомнить. Наконец, сел и демонстративно отвернулся. Илеси сунула ему еду под нос, но Олег отстранился, задрал его вверх и скрестив руки на груди. Ребёнок, ничуть не смутившись, снова поднёс её поближе, на что Краснов отвернулся в другую сторону. В ответ девочка схватила его одной рукой, а другой принялась насильно запихивать еду ему в рот.

– Стой, стой! Я сам буду есть! Сам, прекрати! – взмолился парень, когда ребёнок перепачкал ему всё лицо. – Вот, смотри. Беру, жую, глотаю. Видишь? Вместе с капустой! Вкусно! Очень вкусно! Спасибо, хозяйшка!

Илеси положила свёрток, отодвинулась, села, замороженно наблюдая за процессом поглощения пищи. Еды она притащила на четверых взрослых мужиков, поэтому Олег двумя руками подобрал и протянул её здоровенную треску. Девочка улыбнулась, приняла рыбину, которая в её руках смотрелась так, словно была не больше селедки, и принялась есть. В комнате установилась тишина.

Когда оба насытились, ребёнок унёс кости, затем вернулся и сел напротив Олега. Что-то сказал, но парень отрицательно покачал головой и помахал рукой около уха. Мол, не понимаю. Илеси вдруг встала подошла к шкафу, открыла, извлекла игрушки. У Олега округлились глаза. Он вдруг вспомнил американские мультики, в которых такие вот девочки пеленали котов, напяливали им на головы чепчики и совали в пасти пустышки. А те всяческими способами хотели удрать от своих мучительниц. Их ловили, отчитывали, наказывали, после чего мучение повторялось сначала. Поэтому парень решил перехватить инициативу. Он встал, медленно поклонился, с достоинством продефилировал к кейсу, жестом фокусника извлёк из него гитару, перебросил через себя ремень и провёл пальцем по не зажатым струнам. Илеси застыла, боясь пошевелиться.

Краснов зажал для проверки минорное трезвучие. Гитара оказалась чуть-чуть расстроенной. Айфон остался лежать где-то в туннеле, поэтому настраивать пришлось на слух. Впрочем, разряженный, он всё равно ничем бы не помог. Олег немного подкрутил колки, вслушиваясь в звучание. Пару раз он бросал взгляд на ребёнка, который, по-прежнему, как замороженный наблюдал за его действиями. Завершая саундчек, Олег быстро взял три «блатных» аккорда. Гитара зазвучала так, как нужно.

Петь он не стал. Понимал, что из-за языкового барьера песни, какими бы шедевральными ни были, потеряют половину своего очарования. Вместо этого решил исполнить романс Гомеса, который помнил с детства.

Заученная до автоматизма мелодия наполнила комнату. Мягкость, лиричность, напевность, не поддающаяся анализу глубина давно сделали её классикой, хитом всех времён. Одно временно и медленная, и быстрая, и громкая, и тихая, и простая, и сложная, она неизменно вызывала грусть, вышибала слёзы у людей. Что уж говорить о ребёнке, который не знал музыки. Вообще. Никогда. Никакой, за исключением перестука барабанов.

Просто так получилось. Так витиевато и запутанно шла эволюция. Там, наверху, музыка была придумана тысячелетия назад, а здесь о ней даже не подозревали. Для Илеси подобное потрясение было сродни удару током. Невозможно подобрать слова, чтобы описать то состояние, в котором находилась девочка. А Олег, сам того не понимая, приоткрыл ящик Пандоры. Ибо придуманная человечеством музыка в лице новоявленного лилипута, при желании, в этом мире могла стать мощнейшим оружием.

Только пока что о нём никто не знал. Но только до поры до времени. Как говорил Сократ, «Всё тайное рано или поздно становится явным».

Закончив играть, гитарист поклонился. Девочка громко выдохнула и сложила ладони лодочкой. Не зная, что делать дальше, Олег сыграл ещё один романс, а потом и ещё. Маленький концерт продолжался минимум полчаса, как вдруг снаружи послышались шаги. Илеси вскочила, Краснов остановился. Девочка едва успела засунуть его в коробку вместе с инструментом и закрыть крышкой, как дверь в её комнату открылась. К счастью, крышка легла неплотно, и, встав на кейс, Олег смог разглядеть отца девочки. И снова испугался до полусмерти.

Великан был размером с храмовую статую древнеегипетского бога. Краснов прикинул, что он макушкой едва-едва достанет ему до колена. Лицо лишь отдалённо напоминает человеческое: надбровные дуги удлинены и опускаются козырьком над глазами, лобные бугры сильно выступают вперёд. Сама черепная коробка слегка сплюснута в горизонтальной плоскости, затылок скошен и вытянут вверх. Нижняя челюсть чрезвычайно массивная, скуловая – тоже. Нечёсанные и немые волосы, небрежно собранные в пучок, достают ему до поясницы. Неаккуратная борода, как у священника, рассыпается по груди. Даже странно, что девочка – это его ребёнок.

То, что на нём одето, лишь с большой натяжкой можно было назвать одеждой. По сути, это просто куски грубой ткани, замотанные вокруг тела, рук и ног, перевязанные крест-накрест ремнями, чтобы не спадали. Ступни босые, волосатые и заскорузлые, ногти зеленовато-жёлтые, длинные, загнуты вниз, как у беркутов. Там, где волосы растут редко, видна шоколадная кожа. Взгляд угрюмый, но, скорее, покорный, нежели агрессивный. Зрачки тёмно-коричневые расширенные, белки желтоватые с хорошо заметной сеткой капиллярных сосудов. Спина широкая, треугольная, крепко посаженная на кости таза. Руки – там, где нет одежды, напоминают ветви дуба – настолько увиты сухожилиями. Никакого брюха – сплошная гряда мышц, словно специально созданная для тяжёлой работы.

Папаша присмотрелся, прислушался. Илеси медленно спрятала коробку за собой. Великан глянул на дочь, что-то спросил. Голос его громыхал и гудел. Девочка в ответ произнесла три коротких слова. Колосс наклонил голову, сказал ещё пару фраз, касаясь уха пальцем. Ребёнок вздрогнул и поспешно ответил. Великан сощурился, быстро шагнул, оттолкнул дочь и схватил коробку. Одним движением исполин сорвал крышку и оторопел. У сидевшего внутри Краснова душа ушла в пятки. Чудовище пару секунд буравило его тяжёлым, угрюмым взглядом, потом пробасило непонятную абракадабру, вытащило лилипута, положило на стол и занесло кулак, величиной с бетономешалку. Олег заверещал, безуспешно пытаясь высвободиться из лапы великана, но тот в ответ лишь сильнее сжал кулак, едва не переломав рёбра и почти лишив возможности дышать.

Илеси повисла на ноге отца, протянув руки к игрушке, и протяжно, дико, оглушающе завывала. Великан отталкивал её, чтобы не мешала, но она раз за разом упрямо лезла на него, прося, умоляя пощадить этого маленького, но такого похожего на них пришельца. Наконец, колосс уступил, разжал ручищу. Полузадушенный, ставший синим Олег хрипло задышал, попутно ощупывая рёбра – не сломаны ли. Потом с усилием встал, поклонился, протянул руку... Пропищал «Здравствуйте»...

Нет, ну а что бы вы сделали на его месте? Находясь в крайней стадии испуга, не зная языка, обычаев, культуры? Может, протянув руку, он наносит оскорбление? Однако, по счастью, великан его не понял. Ещё взбешённый, он повернулся спиной и принялся громогласно ругать дочь за её выходку. И, судя по реакции, ему было известно о существовании людей, живущих на поверхности. Илеси, опустив голову, выслушивала поток тирады, сопровождавшийся бешеной жестикуляцией, всхлипывала, делала знак рукой, как рэперша, тихо покачивая горизонтально расположенной ладонью с выпрямленными пальцами. Олег, помня реакцию

девочки на музыку, спрыгнул со стола, открыл гитарный кейс, извлёк гитару и принялся тихо наигрывать романс Гомеса.

Отец, так же, как и накануне дочь, замер, весь превратившись в слух. Он медленно опустился на пол, скрестив ноги и, не отрывая взгляд огромных зрачков слушал мелодию. Отыграв романс, наш герой положил инструмент, встал, подошёл ближе.

– И-ле-си, О-лег, – показал он на ребёнка, затем на себя и, напоследок указал на отца.

– Киргейл, – неохотно пробасил великан.

– Ну, вот и отлично, – облегчённо выдохнул Краснов. – Дело осталось за малым – показать, где тут выход. Надеюсь, вы поможете отсюда выбраться? Ведь так?

Киргейл что-то сказал, встал, вышел, оставив дочь с её новой игрушкой. Вскоре вернулся с большой металлической клеткой, наподобие тех, в которых держат попугаев. При виде тюрьмы, сердце Олега чуть не остановилось, руки опустились.

– Это для меня? Чёрт, кого я пытаюсь обмануть... Конечно, для меня.

Великан открыл дверцу, показал дочери увесистый навесной замок с ключом. Дочка запрыгала, захлопала в ладоши, подбежала, обняла отца. Тот буркнул, твёрдо отстранил дочь, показал пальцем на Олега и произнёс несколько отрывистых слов. Олег догадался, каких. Наверняка велел стеречь его самым тщательным образом. Илеси быстро закачала ладошкой, взяла рукой человека и посадила в клетку. Краснов не сопротивлялся, поняв, что это, по меньшей мере, бесполезно. Девочка натаскала внутрь тряпок, поставила бадейку с водой и остатки еды. После чего захлопнула дверь и повесила замок.

Олег медленно сполз на тряпки, сделанные, похоже, из искусственных нитей, закрыл голову руками. Ему вдруг ясно нарисовалась перспектива умереть в заточении, в пожизненном плену у этих огромных троглодитов. Он обречён до конца своих дней развлекать ребёнка песнями и плясками. Хорошо, что хоть не сожрали, как это делают великаны герои сказок, мифов и легенд. Ну, теперь ещё и голливудских блокбастеров.

«Ну уж нет! Сила на их стороне. Но у меня есть нечто более важное – ум. У меня впереди много времени. Даст Бог, я найду способ выбраться из этой передраги.»

Прошёл месяц

– Как-как? Тише, Леся, говори медленнее. Тяжело запомнить. – заросший бородой Олег показал ложку и попросил на русском языке. – Как называется?

– «Грува», – девочка сидела рядом и с удовольствием называла предметы, на которые указывал Краснов. Она уже привыкла называть вслух предметы или действия, которые показывал Олег.

– Угу, понятно. Записываю...

Перед Олегом стоял металлический стол, как раз ему по размеру, который служил ему партой. На нём лежала его тетрадь и острая палочка. Записи в ней он вёл собственной кровью, протыкая себе палец.

– Повторим? Что это?

– «Грева» – откликнулся ребёнок.

– Блин, какая «грева»? Леся же сказала «грува»! Давай ещё раз! – Олег вытянул ложку перед собой.

– «Грива» – ответила Илеси.

– Да ну на фик! Так «грува», «грева» или «грива»?

Илеси встала, выхватила у него ложку.

– «Грува» – сказала она, держа её ручкой вниз.

– «Грева» – объяснила она, повернув ручку горизонтально.

– «Грива» – на этот раз ручка была направлена в грудь ребёнка.

– Ого! – почесал затылок парень. – Ни хрена себе! Получается, что один и тот же предмет у вас называется по-разному в зависимости от того, в каком положении находится? Прикольно! А ну, дай сюда!

Олег принялся вертеть ложку, попутно называя. Илеси заулыбалась и каждый раз утвердительно качала ладошкой. Язык великанов оказался нелинейным и этим самым отчасти напоминал язык жестов, которым пользуются глухонемые.

– Так, отлично, с этим разобрались. Давай дальше...

Прошёл год

– Олег трудно понять. Спросить ещё раз? – попросил Краснов, жуя отварную рыбу и заедавая склизской капустой.

Он сидел на полу в середине комнаты, рядом со своим столом, как японец, скрестив ноги. Отросшие волосы с проседью доставали ему до плеч, борода скрывала шею.

– Из какой сказки Олег пришёл?

– Эээ... Нет, это не сказка. Мы жить вместе. Леся – тут, а Олег там – он показал пальцем вверх.

– Но там нельзя жить. Там холод и тьма. Пустота, смерть.

– Олег ещё плохо знает слово. – он медленно жевал, нащупывая языком острые кости, пальцами вытаскивал их изо рта и складывал на стол.

– Плохо знаю слова.

– Да, правда. Не запоминать ещё! – развёл жирными руками парень. – Нет, там свет и тепло. Высоко-высоко есть... огромная... как это назваться? – указал он на светильник.

– Не может быть! – выдохнула девочка. – Одна лампа греет и светит пустоту?

– Может. – он выплюнул чешуйку, почесал мизинцем лоб и с досады перешёл на русский. – Вот скажи, как мне объяснить, что там светит солнце, растут деревья, текут реки, возвышаются горы, а Земля круглая, если ты об этом понятия не имеешь? Но кто-то должен знать. Рыбу то вы ловите, только непонятно как...

– Что Олег сказал сейчас?

– Олег плохо знает слова. – повторил он, а про себя отметил отсутствие личных местоимений. – Но Олег учится, а Леся помогает.

– Да, Илеси помогает. Как называется это? – девочка показала на кейс.

– Гитара. Гиии-тааа-рааа.

– Гиии-тааа-рааа. – повторила она. – Зачем?

– Ну, чтобы... хорошо было. В голова Леси, в голова Олега, в голова Киргейла.

– Илеси не знала, что есть ги-та-ра. Сделай хорошо в голове ещё раз.

– Хорошо.

Как и много раз раньше, Краснов достал инструмент, подстроил и немного поиграл. Илеси нравилось всё: от «Кузнечика» на одной струне, от простого аккомпанемента, до сложных мелодий, которых он знал не так много. Единственное, что мог исполнить блестяще – это «Notting else Matters» легендарной «Металлики».

– Как хорошо. Илеси может слушать вечно. Олег – хороший. Хочу ещё!

– А харя не треснет?

– Что Олег сказал?

– Олег поиграет ещё для Леси.

– Спасибо, Олег.

И он играл ещё, пока не деревенели пальцы, не наминались до боли подушечки, несмотря на наросший на них толстый слой кожи, а по плечам не разливалась усталость. За этот год парень смог подобрать на слух и память множество композиций, которые оттачивал перед ничего не подозревающим ребёнком. А ещё, тайком от неё, принялся переводить известнейшие хиты, благо язык был богат на одинаковые окончания. Строчки рифмовались легко, он

тренировался, шёпотом проговаривая получающийся текст. Поэтому старая тетрадь наполнилась новыми записями, которые он выводил на бумаге «транслитом».

Олег, сидя в клетке, считал слога, загибая пальцы и шевеля губами:

– «Пе-ре-мен!» – тре-бу-ют на-ши серд-ца». Десять... По-великански получилось столько же. Чёрт, никак не получается с ударениями...

Он вдруг отвлёкся, глаза его предательски заблестели:

– Спасибо тебе, Витя, за песни. – прошептал Олег. – И прости за воровство. Но кто же знал, что они мне будут нужны? Я знаю, с небес ты всё видишь. Мне гадко от того, что я делаю. Но так нужно, понимаешь?

Он зажал аккорд, ударил по струнам, впервые полностью исполнил припев на языке великанов, изо всех сил стараясь передать энергетику песни. Голосом, движениями, эмоциями. По памяти копируя лидера группы «Кино».

Услышав позади себя шёпот, он резко оборвал песню и обернулся. Оказалось, что всё это время его увлечённо слушали двое детей – Илеси и обнажённый по пояс мальчишка. Девочка тайком привела его к себе в гости, чтобы похвастаться своей находкой.

На вид ему было лет двенадцать-тринадцать. Но это по человеческим меркам. А уж сколько на самом деле, Олег понятия не имел. Но, несмотря на начальную стадию полового созревания, его физическим данным можно было позавидовать. Детский скелет обвивали чрезвычайно развитые и пропорциональные мускулы. Пока ещё узкие плечи венчали треугольники дельтовидных мышц, плавно переходящие в трапецевидную, делавшую шею похожей на бычью. Предплечья рук широкие, бицепсы и трицепсы красиво выпирали из-под тоненькой кожи. Однако на ладонях она на удивление грубая и шершавая. Шарообразные грудные мышцы, под ними висели соски, брюшной пресс, похожий на покрывку внедорожника. Лицо ещё сохраняло детские черты, но почему-то сложилось ощущение, что с возрастом оно будет в точности таким же, как у Киргейла.

«Зачем природа „наградила“ его таким телосложением» – подумал Олег, разглядывая гостя. – «Или это не природа?»

Сказать, что мальчик был удивлён – это не сказать ничего. Он находился в глубоком потрясении. Во-первых, от того, что видел миниатюрное подобие себя так близко, а во-вторых, от музыки и слов песни. Всем телом подавшись вперёд, он с открытым ртом слушал незнакомое и неведомое до этого момента.

Наступила неловкая пауза. Краснов отложил инструмент, не зная, как реагировать на ситуацию.

– Теперь Вилен видит, что Илеси не врала, когда говорила, что нашла. – торжествующе произнесла девочка.

– Да, Илеси не врала. Вилен извиняется, – с трудом прочистив горло, ответил мальчик.

– А Вилен никому не расскажет о том, что видел? – с сомнением поинтересовался Олег.

– Вилен даёт слово, – ответил мальчик. – У маленького есть имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.